

В ЖИЗНИ АРТИСТА СЛУЧИЛОСЬ ТАКОЕ...

АРЧИЛ ГОМИАШВИЛИ — О СМЕШНОМ...

Так часто бывает — лихорадочно вспоминаешь этокое веселое, смешное, а память услужливо подсказывает что-то совсем наоборот... Вот и сейчас вспоминается мне случай, как однажды я безудержно рыдал. Мне было 19 лет, и я играл в театре имени Марджанишвили в спектакле «Маргарита Готье». Маргаритой была Верико Анджапаридзе, я — Арманом. В сцене, когда она меня покидает, я так разволновался, что стал рыдать, потом рыдание перешло в истерику. Продолжал я рыдать и за кулисами. Мне дали валерьянку... Антракт затянулся дольше положенного. Когда я, наконец, успокоился, кто-то из пожилых артистов, похлопывая меня по плечу, сказал: «Не огорчайся, из тебя обязательно выйдет артист».

И еще раз, спустя много лет, по моей вине длиннее обычного был антракт. Шел спектакль «Третье слово». Я играл главного героя Пабло. После второго акта я, уверенный, что спектакль уже кончился, разгерметизировался и пошел домой. Только по дороге в ужасе вспомнил, что ушел я после второго акта. Прибегаю, запыхавшись, в театр, а там все в панике, разыскивают меня по всем закоулкам, не дают третий звонок. Смешно? Впрочем, это не смешно, а скорее грустно, для меня во всяком случае.

А однажды меня, главного героя спектакля «Во дворе злая собака», чуть не выставили со сцены. Это случилось во время просмотра. Перед премьерой я в Ереване снимался в фильме, так что на репетициях почти не присутствовал, меня заменял дублер.

Приехал к самому спектаклю. Сделал грим, выхожу на сцену и вдруг слышу зловеющий шепот суфлера: «Гражданин, уйдите со сцены!». Я, обескураженный, застыл на месте. «Уйдите со сцены!» — уже громче говорит суфлер. Первые ряды смеются — ничего не понимаю. «Уйдите со сцены!» — в голосе чувствуется металл. Внезапно меня осенило — суфлер-то меня не узнал. Я заговорчески подмигнул ему, и тот вдруг образовал, что выгоняет самого Лайтадзе, сплетника и клеветника, героя спектакля.

Года два назад я гастролитировал с пантомимой по Сибири. В каком-то поселке, затерянном в тайге, я показывал свою программу. Пантомима явно не пришлась зрителям по вкусу. В зале стоял неугомонный шум. Мне даже пришлось покинуть сцену. Возмущенный, я обращаюсь к администратору: «В таких условиях я работать не могу». Администратор вышел к зрителям. «Ша, — сказал он. — Если вы не прекратите это безобразие, то ни цирка, ни лилипутов не увидите никогда». Угроза возымела действие, зал на минуту успокоился, а администратор, воспользовавшись тишиной, обратился ко мне.

— Их тоже можно понять, — кивнул он в сторону зрителей. — Вы — народный артист, а занимаетесь какими-то глупостями. Они же думают, что вы глухонемой. Неужели вы не знаете ни одного стихотворения?

Я сказал, что, конечно, знаю, но я работаю в чистом жанре, что пантомима — это большое искусство, что...

— Какого черта чистый жанр, большое искусство, — прервал он меня: — видите, концерт проваливается. Читайте стихи!

И я стал читать. Читал Есенина, Блока, отрывки из Бабеля...

Когда я кончил и прошел за кулисы, я увидел администратора с большими влажными глазами.

— Арчил Михайлович, — сказал он, пожимая мне руку. — вы же, оказывается, такой артист. Зачем же вам нужна какая-то пантомима?

Из сибирской поездки мне запомнился еще один случай. Как-то звонит мне администратор: «Арчил Михайлович, придется дать концерт для несколько необычной аудитории. Ради бога, не отказывайтесь. Зато завтрак, обед, ужин, обеспечены».

— Согласен, — говорю, — куда выезжать?

— В краевую психиатрическую больницу.

Приехали. Нас встречает администратор, радушно приглашает к обеду — как раз подоспели вовремя, говорит.

Заходим в столовую: обедают выздоравливающие, обслуживающий персонал — тоже из выздоравливающих. Последнее обстоятельство я не учел, и, снимая с себя шубу, говорю: «Я так проголодался, что сейчас съем кого-нибудь». И вдруг всех как ветром сдуло. Решили, видно, привезли новенького. Сколько ни угovarивали врачи повара и буфетчика вернуться, те ни в какую. Так мы и остались без обеда.

И НЕМНОГО О СЕРЬЕЗНОМ

Уже около двух лет с небольшими перерывами я работаю над «Золотым теленком». Рождается он медленно и трудно. Это будет спектакль одного актера. Я исполняю в нем Бендера, Паниковского, Корейко, Фунта, Балаганова. Это — экспериментальный спектакль. Здесь будут использованы разные выразительные средства — пластика, балет, пантомима, слово, песня, трансформация, общение с несуществующим партнером. Будет использован также экран. Сейчас работа над спектаклем в разгаре. Условное название его — «Великий комбинатор». Над постановкой вместе со мной работает заслуженный деятель искусств Грузии А. Рубин.

Летом я был в Одессе, встречался со старыми биндюжниками, записал на магнитофонную ленту их песни, аргентинское танго...

Художественное оформление готовит Г. Гуня.

Ну, вот пока все, что можно сказать о спектакле. Более полное впечатление о нем вы получите в январе, когда состоится премьера.

Записала Л. ЧАЧУА.